

СССР В ДОНЕСЕНИЯХ ХОРВАТСКИХ ДИПЛОМАТОВ ИЗ СОФИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1944)

© 2019 г. В.И. Косик

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: kosikviktor@mail.ru

Текст, построенный на основе донесений хорватских дипломатов Софии, содержит ряд сюжетов, связанных с позициями болгарских властей по отношению к СССР в годы войны. Приводимая информация позволяет не только больше узнать о политических воззрениях государственных и общественно-политических деятелей III Болгарского царства, но и проследить их вариативность.

The text is built on the basis of the reports of the Croatian diplomats in Sofia contains some plots, related to the position of the Bulgarian authorities towards the USSR during World War Two. The adduced information let not only learn more about political views of the statesmen and political activists of the Third Bulgaran Kingdom, but also to pursue their variations.

Ключевые слова: София, Россия, Советский Союз, Германия, мир, перемирие, немцы, болгары, народ, политика.

Keywords: Sofia, Russia, Soviet Union, Germany, peace, armistice, Germans, Bulgarians, people, politics.

DOI: 10.31857/S0869544X0004763-2

Кровь, племя, язык — вот три компонента, связывающие наши страны, плюс Царьград. Это для романтиков от истории. Для реалистов — возможность решения своих стратегических задач. Для Москвы — выстраивание пояса безопасности через контроль над Проливами при одновременном создании в Болгарии своеобразного укрепрайона или плацдарма. Для Софии — строительство Великой Болгарии, утраченной вследствие многовекового турецкого владычества. Можно сказать, что цели двух стран совпадали. Но крепкого союзничества не получалось, вследствие несоразмерности поставленных задач и «исторического веса» империи и небольшого славянского государства, только встающего на свой путь развития. Мешала сама «история», точнее, национальный вопрос в его территориальной форме: для России он был облечен в «государственные одежды», для Болгарии — национальная и государственная задачи совпадали. И, разумеется, как свидетельствует само прошлое, решающую роль играл поиск союзников, способных помочь в решении исторической проблемы. Для

России Болгария в начале XX в. не играла заметной роли в геостратегических планах, у нее была Сербия, на которую Москва из «политики чувств», но не разума, сделала ставку, поддержав ее в 1914 г. В свою очередь для Софии, ранее проигравшей Вторую балканскую войну своим соседям, таким союзником стала Германия, начавшая успешную военную кампанию на Восточном фронте и обещавшая Болгарии вернуть ее исторические земли, например македонские. Первая мировая война и революции в России, Германии и Австро-Венгрии изменили политическую карту Европы. Однако в новой политической обстановке не было ослаблено стремление Софии добиться «исторической справедливости» в воссоздании Великой Болгарии. Ждали момента, который и наступил вместе с началом Второй мировой войны. Германия успешно завоевывала Европу и Балканы, подписала с СССР пакт о ненападении. В итоге снова был заключен союз с Германией и созданы условия для создания Великой Болгарии через территориальные расширения, т.е. отъем или возврат «исконных болгарских земель» у соседей, прежде всего у Сербии и Румынии. Здесь стоит добавить, что союз с Германией не мешал Болгарии сохранять дипломатические отношения с СССР, преемницей «матушки-России», имя которой вошло в историю освобождения болгарского народа. И, добавлю, не мешало царской Болгарии расстреливать коммунистов. По сути дела, здесь наблюдалась удивительная, в чем-то парадоксальная, картина: и та и другая страна находились по разные стороны «баррикад», что не мешало им поддерживать дипломатические отношения. Безусловно, это было определено политикой своеобразного нейтралитета Болгарского царства. Он позволял забирать «свои» земли и «оставаться как бы в стороне» от активного участия в войне, строя Великую Болгарию. Сам процесс ее строительства во многом зависел от исхода войны — Германия или Россия/СССР одержит верх. В первом случае Болгария становилась самым мощным государством на Балканах, исполнившим свою историческую задачу по собиранию «своих» земель. Во втором варианте Болгария превращалась в «спутника» Москвы со всеми сопутствующими последствиями. И здесь весьма интересно проследить динамику не отношений, а воззрений, взглядов болгарских властей на СССР/Россию в военные годы, когда сам ход войны был весьма непростым и «долгоиграющим», со своими прогнозами и реалиями.

Для начала: 5 сентября 1941 г. немецкий дипломатический представитель в Софии А. Бекерле уверял своего хорватского коллегу В. Жидовца, что «война в России идет очень хорошо [...]». Мы уверены, что до зимы мы успеем занять Петроград и Москву, и Киев, и Одессу, южную Россию и Кавказ, а это то, к чему мы стремимся. Наши соединения вообще не пойдут дальше, так как остаток русских сил сам собою пропадет, отрезанный от всех источников» [1. S. 36]. Видимо, и в Софии были уверены в мощи военной машины Германии, стремительно продвигавшейся по пространствам России. В частности, в сентябре немецкие войска заняли Киев, блокировали Ленинград, шли тяжелейшие бои под Смоленском, Одессой, советские войска несли громадные потери.

Однако привычного блицкрига не получалось. Немецкий вермахт застрелял в русских снегах, взятие Москвы откладывалось «на потом». 27 декабря 1941 г. болгарский премьер-министр Богдан Филов (расстрелян новой властью в 1944 г., реабилитирован в 1996 г.) говорил хорватскому дипломату, что «нынешняя немецкая неудача в России не будет иметь больших последствий [...], единственным последствием будет то, что война затянется, Германия в следующем году победит Россию» [1. S. 266]. В Загреб поступала информация даже о том, что «русские обратились к царю Борису быть посредником между Россией и Германией» [1. S. 271]. Возможно, здесь речь идет о более

ранних переговорах, которые закончились безрезультатно, и без участия царя Бориса III.

В этой ситуации весьма любопытно высказывание С. Радева, политика, дипломата, автора отличной книги о строительстве болгарского государства в первые годы его бытия. 27–28 ноября 1941 хорватский дипломат в своем донесении передавал следующие слова Радева: «Что касается наших отношений с Россией, здесь нужно знать, что болгарский народ любит русских и мы благодарны им [...], но с другой стороны, мы никак не одобряем русскую политику ни до, ни после и никогда не можем договориться с Россией [...], в 1885 г. Россия была против нас, а в 1915 г. мы воевали, как и сейчас, против русских. Если бы русские были наши соседи, когда бы им удалось занять Дарданеллы и Босфор, то была бы смертельная опасность для нашего народа именно из-за похожести языка и одинаковой веры» [1. S. 213–214]. Весьма любопытно, не правда ли? Здесь только стоит заметить, что болгары имели право так говорить, зная и историю разрыва отношений почти на десять лет с 1886 г., и позицию России в македонском вопросе, в котором она больше играла на стороне Сербии, и войну, объявленную Россией Болгарии в 1915 г., и тяжелые бои между «освободителями» и «освобожденными». Относительно «смертельной опасности» здесь было все неоднозначно. Схожесть, бывает, может превратиться в свою противоположность, особенно, когда заходит речь об абсолютизации национального начала. И вполне возможна была потеря своей небольшой, но национальной самостоятельности. Хотя, если знать размышления Константина Леонтьева, известного «неравновесными» оценками славянства, то стоило не сбрасывать со счетов его гипотезу о создании восточноправославной политической, религиозной, культурной – но ни в коем случае не административной – конфедерации славянских стран.

Тем временем в первый день 1942 г. именно в храме Александра Невского, воздвигнутого в честь Освобождения Болгарии прошло торжественное богослужение, на котором присутствовали царь и царица, министры, депутаты Собрания, представители болгарской общественности, болгарской и немецкой армий, дипломаты государств Оси и дружественных государств. Не было только представителя СССР [1. S. 287].

Пожалуй, для того, чтобы лучше очертить «странную» позицию Болгарии в отношениях с Россией/СССР, можно дать слово графу Адаму Оршич-Славетичкому, посетившему царя и передавшего 20 января 1942 г. содержание беседы Жидовцу. Граф говорил: «Царь детально очертил мне политическую историю Болгарии от Освобождения до сегодняшнего дня, чтобы мне растолковать причины [...] укорененного русофильства», но заметил, что уровень русофильства от начального «экстремизма» постоянно снижается. Причины этого Борис III видел в следующем: «Россия фаворизировала совершенно открыто сербские претензии в ущерб болгарским, что особенно ясно обнаружилось во время арбитража в конце балканской войны (Вторая балканская война 1913 г., после которой Болгария покинула Македонию и потеряла южную Добруджу в пользу Румынии), когда уступка Македонии Сербии сильно потрясла болгарский народ. Еще больше Болгария была оскорблена, когда русский царь Николай II непосредственно после уступки Добруджи румынам совершил официальный визит в Бухарест». В позднейшее время, продолжал царь, большинству болгар стало ясно, что СССР в своем стремлении проникнуть в Болгарию «хочет использовать болгарский народ для того, чтобы за его счет дешево добиться своей давней цели – Дарданелл» [1. S. 319].

Могу добавить, что «коммунистические Дарданеллы» совсем не «нравилась» тем же болгарам, которые не могли не усматривать в этом потенциальную угрозу своим интересам.

Пока же болгары внимательно отслеживали события на Восточном фронте. 30 января 1942 г. генерал Хр. Луков, лидер Союза болгарских легионеров (ультраправая, антикоммунистическая, националистическая, антилиберальная военизированная организация, учреждена в 1932 г., запрещена в 1944 г.), говорил Жидовцу, что немецкие войска ведут большую подготовку для летнего наступления в России. Причем первой целью будет взятие Москвы. На Дальнем Востоке, продолжал генерал, «русские имели 60 дивизий, из которых на западный фронт отправили 40, и сейчас беспомощны против Японии и, безусловно, что Япония весной ударит одновременно с новым немецким наступлением. Немецкое наступление будет настолько сильным, что за два или три месяца победит Россию. Немецкое наступление из-за погодных условий может начаться в самое раннее время или где-нибудь в конце мая или с началом июня. Примерно спустя месяц немецкие войска будут на Кавказе» [1. С. 330].

Флаг на Эльбрусе был поднят немцами 21 августа 1942 г.

Но ожидания дальнейших успехов немецких войск перемежались и с горькими размышлениями о судьбе Болгарии в этой войне. 30 марта 1942 г. главный секретарь Министерства народного просвещения Б. Йоцов в разговоре со словацким дипломатом Писско (Pissko) замечал, что «если победит Россия, то это будет конец европейской культуры, а коммунисты уничтожат цвет болгарской интеллигенции. Если победит Англия, Болгария будет разбита на части, а остаток Болгарии будет в самом худшем случае югославской бановиной. Если победит Германия, немцы навяжут болгарскому народу национал-социалистический режим и болгарское народное самосознание не будет иметь сил к развитию [1. С. 403]. Видный филолог-славист, литератор, член-корреспондент Болгарской академии наук (Б. Йоцов был расстрелян новыми властями в 1945 г., в 1996 г. реабилитирован.)

Тем временем болгарская власть заявила о проведении своего обычного внешнеполитического курса. 28 марта 1942 г. на заседании Народного собрания Филов подчеркнул «судьбоносную связь Болгарии с силами Оси, равно и то, что задачи Болгарии лежат на юго-востоке». Последнее было понято: Болгария «не будет должна посылать войска в Россию» [1. С. 412].

Хотя стоит добавить, что, судя по донесению хорватского дипломата Ст. Моснера от 6 марта 1942 г., группа болгарских офицеров побывала зимой 1942 г. на русском фронте вблизи Новороссийска [2. С. 232–233].

При всем этом, в болгарском обществе бытовала пестрая картина мнений относительно СССР. 17 октября 1942 г. Н. Мушанов, занимавший в 1931–1934 гг. пост главы правительства, был уверен, что «Европе не угрожает никакая опасность от большевизма. Россия претерпела такие ужасные поражения, что большевизм больше не опасен [...]. Германия заняла громадные территории в России, и сейчас народ там видит, что не все так, как ему Советы говорили 25 лет». Он верил и верит, что «на Украине и в других занятых русских краях дошло до таких глубоких внутренних перемен, что невозможно возвращение коммунизма [...], в Советской России предстоят огромные внутренние перемены, что там коммунизм, т.е. большевизм, вследствие самого внутреннего развития будет уничтожен. После того как Россия станет национальной державой, — по мнению Мушанова, — возможен мир между немцами и русскими [...],

согласно имеющейся у него информации из Куйбышева, такое развитие в России действительно существует». При этом Мушанов подчеркнул, что ему на днях «советский посол Лаврищев сказал, что борьба, которую ведет Россия, националистическая и националистический (видимо, здесь идет речь о национальном начале. — В.К.) дух полностью пронизал русскую армию» [1. S. 677]. Здесь не требуются какие-либо комментарии. Относительно мира с Берлином действительно шли тайные переговоры, но тогда, как и ранее, немецкая сторона была уверена в своей победе и они закончились безрезультатно.

С точки зрения националиста и антикоммуниста Т. Кожухарова, занимавшего ранее видные государственные посты, «в широких слоях болгарского народа не только между коммунистами дошло до глубокого разочарования». Болгары, говорил он 29 мая 1943 г., сохраняют «дружеские чувства к братскому славянскому русскому народу, болгарский народ инстинктивно чувствовал, что входит в очень опасный период, может дойти до поворота в войне, так как Германию ожидают тяжелые испытания в России. Немцы тогда этому не верили, но болгарский народ это инстинктивно чувствовал. До этого времени симпатии болгарского народа были на стороне Германии, но потом разделились». Дальше Кожухаров подчеркивал, что самое плохое в том, что «нынешняя власть и нынешний режим не имеют поддержки в народе» [2. S. 341–342]. (В 1945 г. Т. Кожухаров был расстрелян новой властью, в 1996 г. реабилитирован.)

Весьма любопытны строки хорватского дипломата, связанные с возможным поражением немцев под Сталинградом и сдачей Ростова. В донесении от 6 февраля 1943 г. Жидовец подчеркнул, что, по словам генерала Н. Михова, встречавшегося с Гитлером в 1943 г., фюрер сказал ему, что в немецкой оборонительной тактике главная цель — нанести больше всего потерь русской армии, в то время как территория не играет такой большой роли. Если Ростов и Сталинград падут, то это существенно не переменит ситуацию, так как это только эпизоды в войне». Гитлер сказал Михову, что «первые три года были только подготовкой». Гитлер добавил, что уже в 1941 г. Германия могла отбросить Россию за Волгу, но он не позволил, чтобы таким способом не повторить неудачу Наполеона. Сейчас Германия будет способна «к конечному расчету с Россией». И дальше о том, что Гитлер надеялся на весеннее наступление [2. S. 438]. (В 1945 г. генерал Н. Михов был расстрелян, в 1996 г. реабилитирован.)

В Болгарии были и другие люди, рассматривавшие варианты мирного советско-немецкого соглашения. Одним из них считался, по словам Жидовца, начальник политического отдела МИДа, «лучший знаток внешней политики, один из лучших политических умов», И. Алтънов (И. Алтынов) (1892–1972) — член Болгарской академии наук, профессор юридического факультета Софийского университета, член международного суда в Гааге.

20 мая 1943 г., как писал Жидовец, болгарский дипломат считал, что в будущем есть два пути: «компромиссный мир или поражение Германии» [2. S. 527].

Сама Болгария, по мнению Алтынова, могла бы, подчеркивал Жидовец, надеяться на полную реализацию своих целей только в случае победы Германии. В случае компромиссного мира возникнут сложности: «Турция и Греция были бы против сегодняшней великой Болгарии [...], будет гарантировано, что Греция вернет себе что-то [...]. В случае поражения Германии Болгария может надеяться, что не будет разбрана на части, так как этого не позволит Россия [...], с другой стороны, и сама Англия будет опасаться того, что что-то подобное

могут сделать из Болгарии, так как в этом случае Болгария сама подпадет под влияние России» [2. S. 533].

В Болгарии сама мысль о «возможности соглашения между Германией и Россией» вызывала «огромное удовлетворение» что, как писал 28 июня 1943 г. Жидовец, видно из разговоров «самых серьезных болгарских политиков», среди которых был Хр. Статев, активный деятель Союза болгарских национальных легионов, член прогерманского народного правительства в эмиграции (1945 г.) (заочно приговорен к смертной казни Народным судом, в 1996 г. реабилитирован). Здесь Жидовец назвал еще имя Й. Чкатрова, деятеля Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО) (умер в 1946 г. в тюрьме г. Скопле, совр. Скопье) [2. S. 539].

Алтынов, подчеркивая, что соглашение было бы «с воодушевлением принято всем болгарским народом» [2. S. 571], говорил 27 июля, что «для нынешнего режима в Германии не так уж тяжело отступить от своего нынешнего направления и своей идеологии и заключить соглашение с Россией, но если это было бы невозможно этому режиму, было бы легко сделать, возможно, военной хунте, которая всегда может прийти к власти в Германии [2. S. 573–574]. (Заговор «Валькирия» 20 августа 1944 г. провалился.)

Тема советско-немецкого соглашения стала постоянной в болгарских политических кругах. Филов считал, что до него еще далеко: немцы еще думают задержать взятые земли, русские надеются на мировую революцию. Й. Чкатров полагал, что «в будущем будет решать военное руководство, а не идеология». «Представители армии, — заметил он, — всегда были склонны к идее сотрудничества с Россией [...], невозможно и ради самой Германии и ее союзников долгое время» вести военные действия на разных фронтах [2. S. 582]. «Военно-политическое положение в мире, — продолжал он, — все больше приводит к такому соглашению как единственному выходу, так как если Германия и Россия продолжат войну, тогда до или после план Рузвельта об “американском веке” (будущего мироустройства. — В.К.) будет осуществлен» [2. S. 584].

Пока болгарские политики перебирали гипотезы о заключении советско-немецкого соглашения, активно продолжали работать болгарские компетентные структуры.

Как сообщает хорватский дипломат, в Софии болгарские радиотехники, уже давно занимавшиеся поиском нелегальных радиостанций, утверждали, что в центре Софии в непосредственной близости от Народного собрания должен быть тайный радиопередатчик. Однако поиск в самом болгарском парламенте не дал результатов. Они последовали в начале мая после ареста в числе сомнительных лиц некоего молодого человека, у которого была найдена библия на русском языке и еще несколько старых русских церковных книг. В ходе допроса он признался, что имел радиопередатчик совсем близко от здания Народного собрания, точнее, в «общественном туалете». Два-три раза в неделю он передавал оттуда информацию. С этого момента дальнейшее расследование принял на себя абвер. Было установлено, что библия и остальные церковные книги служили для шифровки информации. После того как немцы взломали шифр, сотрудники абвера продолжили связь с Москвой. В результате им удалось разоблачить одного из главных лиц в этой деятельности, а именно генерала Н. Никифорова, а также многих других «конspirаторов». Было установлено, что «в Болгарии существует большая военная и политическая сеть, которая имеет целью установить сотрудничество с советской Россией» [2. S. 584–585].

Добавлю, что генерал Никифоров, как известно, был советским разведчиком и поставлял разнообразные сведения военного характера Москве. Как писал далее Жидовец, в этом деле был «замешан ни меньше, ни больше — сам военный министр Михов, затем болгарский посланник в Бухаресте Чомаков, болгарский посланник в Токио Пеев и остальные особы» (упоминания о разведывательной деятельности Михова, Чомакова мною в литературе не обнаружены). Жидовец подчеркивал, что вся эта деятельность выражает желание болгарского народа, чтобы Болгария нашла опору в России. И самое интересное: кроме увольнения Никифорова и довольно быстрого освобождения его из-под домашнего ареста ничего больше не последовало. Возможно, пишет Жидовец, «из-за остальных, замешанных в это дело». С немецкой стороны тоже ничего не последовало, возможно, потому, что немцам было уже «не до этого», у них были более важные задачи, чем судьба раскрытых советских разведчиков [2. S. 585].

Осенью в Софии стал работать новый хорватский дипломат Ст. Перич. В своем первом донесении от 1 октября 1943 г., касаясь русофильства и будущего Болгарии, он писал о воззрениях видного государственного деятеля, депутата Народного собрания С. Мушанова, который выступал «полностью открыто с проведением русофильской линии. Он единственный человек в Болгарии, с которым советский посланник в Софии поддерживает дружеские отношения. Сейчас он русофил из так понимаемого болгарского интереса. Если победят неприятели Европы (видимо, немецкой. — *В.К.*), то американцы и англичане придут к решающему влиянию на Балканах, они восстановят Югославию в своих старых, а может быть, в расширенных границах во вред Болгарии. По его уверению, существует опасность того, что англо-американцы не заставят насильно Болгарию войти в Югославию как федеративный социум, что, в действительности, означало бы болгарскую бановину в Великой Сербии. Если в случае поражения Европы будет, сильнее от англо-американцев, крепнуть влияние России на Балканах, тогда никогда не будет восстановлена Югославия в ее довоенных границах» [2. S. 591]. Конечно, «никогда», речь, как показывает будущее, пошла бы о создании «коммунистической» Балканской федерации.

К декабрю 1943 г. ситуация в Болгарии проходила под знаком организации двух группировок — «Отечественного фронта», соединявшего в себе все левые силы, включая коммунистов, и сил национального блока, вбивавшего в свой состав различные так называемые националистические структуры.

17 декабря, сообщал другой хорватский дипломат Моснер, «Отечественный фронт» потребовал разрыва отношений с Германией, созыва Великого народного собрания с последующим выбором регентов (после смерти царя Бориса III 28 августа 1943 г.) и установления под покровительством России «соглашений с соседями сербами и греками» [2. S. 594].

В начале следующего года оппозиция в лице лидера либеральной партии, министра иностранных дел в правительстве «Отечественного фронта» П. Стайнова уже требовала от правительства с целью «сохранения Болгарии от дальнейших бомбардировок» выхода из Тройственного союза, создания «правительства национальной концентрации», вывода болгарских оккупационных войск из Сербии и Греции, ликвидации немецкого военного командования, создания тесного союза с Советской Россией. Интересно, что эту речь Стайнова в Народном собрании радио Москвы передавало несколько раз [2. S. 597—598].

Москву и дальше учитывали в политических комбинациях болгар. Так, в новое правительство, составленное 1 июня во главе с И. Багряновым (арестован в 1944 г. и приговорен к расстрелу.), наряду с видным врачом, проф. А. Станишевым (арестован в 1944 г., расстрелян в том же году), председателем болгаро-немецкого общества в Софии, был введен и известный генетик проф. Д. Костов, председатель болгаро-«советско/русского» общества [2. S. 608]. Однако с его назначением возникли сложности. Профессор Костов в 1932 г. уехал в Ленинград по приглашению АН СССР, где проработал семь с половиной лет и вернулся в 1939 г. В новое правительство он отказался вступать якобы по причине отсутствия согласия Москвы на вхождение в правительство, кроме того, супруга Костова тогда находилась в СССР, и он опасался за ее судьбу в случае вхождения в «правительство, дружеское Германии» [2. S. 611, 612]. Небольшое добавление: в 1944 г. Д. Костов стал коммунистом.

Сам Багрянов сразу заявил о необходимости «любым способом улучшить отношения с Россией». Характерным примером здесь могут служить газеты, в которых, как сообщал в июльском донесении Моснер, открыто пишут о русском наступлении для возвращения ранее оккупированных земель. Само правительство выделило два роскошных авто для советской миссии, так как прежние были повреждены при бомбардировках Софии союзниками [2. S. 616–617].

Безусловный интерес представляет донесение Моснера о разговоре Багрянова с советским дипломатом С.П. Кирсановым в начале июля. Информация о нем была получена Моснером от Р. Алексиева, известного художника (его карикатуры, видимо, были причиной псевдонима «Фра Дьяволо»), встречавшегося с премьер-министром. Из сведений, полученных хорватским дипломатом, упомяну некоторые. Во-первых, Багрянов сообщил, что он «друг России и, будучи таковым, хочет добиться хороших отношений в любом случае». Болгария, подчеркивал собеседник Кирсанова, для России может рассматриваться как старый этап пути к Проливам. Но в этом вопросе, продолжал Багрянов, имеют свои интересы союзники СССР — англичане, поэтому «не в интересах России, чтобы Болгария сейчас ослабевала [...]». России гораздо лучше иметь на Балканах сильную славянскую страну» [2. S. 618].

В том же июле в одном из донесений Моснера промелькнуло сообщение о готовящейся амнистии «всем политическим противникам, так что все коммунисты будут освобождены из тюрем и лагерей» [2. S. 620]. Спустя два месяца, 2 сентября, была провозглашена общая амнистия, заявлено о ликвидации антиеврейских законов и расформировании фашистских организаций.

Пока же, как подчеркивал в июльском донесении Моснер, Болгария в преддверии превращения Балкан в активный театр военных действий «хочет обеспечить себе уже имеющиеся позиции, чтобы и дальше без жертв могла сохранить имеющиеся границы» [2. S. 621]. Причем, продолжал в начале августа хорватский дипломат, «среди известных групп преобладает боязнь, что будет с Болгарией, если дойдет до мира между Россией и Германией. Тогда Германия совсем освободит руки, а Болгария будет предоставлена России и станет обычной русской провинцией» [2. S. 650].

Тем не менее, точку над «и» попытался поставить министр иностранных дел П. Драганов (арестован новой властью в 1944 г., казнен в 1945 г.). В своем выступлении 22 августа 1944 г. в Народном собрании он говорил: «Особое место в политике Болгарии занимают ее отношения с советской Россией, которая воюет со странами тройного пакта, но с которой Болгария не только не

в состоянии войны, но и в регулярных дипломатических отношениях. Болгарский народ не забыл, что своей свободой он обязан пролитой крови братского русского народа и в своей политической жизни с тех пор до сегодняшнего дня полон благодарности и всегда выступал за его дружбу и покровительство. К сожалению, были моменты, когда царская Россия, может, и вследствие наших ошибок, но и из-за непонимания стремлений и интересов болгарского народа со стороны тогдашних русских правительств, относилась как мачеха к Болгарии и дошла до того, что вышла на северные границы Болгарии, чтобы отнять землю и свободу, которую она сама дала. С болью в сердце принимал болгарский народ эту политику и еще с большей болью боролся против своей освободительницы, но когда речь идет о сбережении родных очагов, национального единства и независимости, в душе болгарского народа поверх сентиментализма берет разбег их жизненный интерес и чувство национального достоинства. И сейчас со многих сторон и из многих кругов делается все возможное для того, чтобы отравить отношения между Советским Союзом и Болгарией, но мы уверены, что руководители великих держав [...] понимают глубокое желание болгарского народа быть не только в нормальных, но и в дружеских отношениях с Советским Союзом [...]. Вокруг урегулирования наших отношений с Советским Союзом и стремления избежать нежелательных столкновений со стороны болгарского народа и его (СССР. — В.К.) болгарское правительство приложило большие усилия с целью предпринять все возможное с необходимой осмотрительностью и тактом, чтобы избежать новых трудностей в положении Болгарии и Балкан. При этом болгарское правительство исходило из позиции нейтральности, в которой Болгария находится по отношению к советской России и ее войне с другими державами, и желания установить отношения дружеского доверия с Советским Союзом. После того, что сделано в этом направлении, и после решения болгарского правительства проводить и в будущем решительную и искреннюю эту политику ее успех зависит исключительно от Советского Союза» [2. С. 668—669].

В начале сентября 1944 г. Болгария была освобождена советскими войсками. К власти пришло правительство «Отечественного фронта». Начиналась новая страница истории уже болгаро-советских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Poslanstvo NDH u Sofiji Diplomatski izveštaji 1941—1945. Zagreb 2003. Sv. 1.
2. Poslanstvo NDH u Sofiji Diplomatski izveštaji 1941—1945. Zagreb 2003. Sv. 2.